

ПТИЦА И ОЛЬХА

СБОРНИК МОЛОДОЙ ПОЭЗИИ ЧЕЛЯБИНСКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

**Анна Дорина
Руслан Валеев
Ростислав Ярцев
Андрей Пушников
Екатерина Коляченко
Ян Любимов
Дарья Мацынова
Полина Саломатина
Фасеточный Глаз
Максим Ушаков
Роман Япишин**

**Птица и ольха: сборник
молодой поэзии Челябинска**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66981348
SelfPub; 2021*

Аннотация

Сборник молодых челябинских поэтов «Птица и ольха», издание которого инициировала Челябинская областная универсальная научная библиотека, включает в себя

произведения десяти авторов, у которых, несомненно, есть будущее.

И если вас хоть немного интересует то, из чего состоит современная поэзия, или то, как авторы, в перспективе (вполне вероятно!) крупные поэты, делают свои первые, часто уверенные, шаги, – обязательно прочитайте эту книгу.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Слово составителя	8
Екатерина Коляченко	10
Песня № 1	10
Песня № 2. Малая бессонница	11
«Сердце пинается в груди как ребёнок...»	13
Рисунок	14
Рождение	16
Старое	18
«Спит захваченная столица...»	19
«Вот если я никто...»	20
Андрей Пушников	22
иф – нм – азм – ви	22
t	23
Сказка о тумане и лунной пыли	25
Сказка о Сне Ноябрьском	27
Noop	30
Анна Дорина	32
Январь	32
Озеро	34
Герда	36
Олень	38
Кость	43
Железное сердце	44

Чад	46
Питер Пэн	48
Джеймс	51
Максим Ушаков	54
«Одна раковая больная...»	54
Считалка для миллениалов	55
«Лето господне...»	57
Миниатюра в метро	58
Кладбище	59
«Иногда меня тошнит от себя и собственного опыта...»	60
«Катились в тишине, в земле сплошные знаки...»	62
«Просыпаясь в сушняк...»	64
Дарья Мацынова	65
«Печальная лодочка...»	65
себе?	65
«Меня нет, меня нет!»	66
28 июня	68
«На счётчике меланхолии...»	69
«эхр вистрваК клиноТсемь стэкОма?!»	69
«Сегодня не мог я дойти до двери...»	69
«Темнота легла облаков поперёк...»	70
«Мои паруса лавируют...»	71
Фасеточный Глаз	73
«В сонных лицах потонут...»	73

«Здравствуй, мальчик и маячок...»	74
«Приручая мысли...»	75
«Я так-сяк...»	76
Улица Свободы	77
«Мысль воспоминаний отражением...»	79
«Отмерший кусок ткани...»	80
«Плафон люстры зарево гасит...»	83
«Вросший диван в тончайшие вуали...»	84
« Попрошу посмотреть на сквозное искусство смолы...»	85
Руслан Валеев	87
считалка	87
крутись!	88
вечер	90
ежвеч	92
вдыхалось	94
полотенца	95
чтоб кто-то умолк	97
ваби-саби	98
Полина Саломатина	100
Подснежник	100
Ижевский осмотрщик	101
«Голос мой – пеленающий горестный альт...»	103
«Пять стадий принятия все вперемежку в моей голове...»	104

«Я – кулак, твёрдый знак, мне никак не понять...»	105
Ян Любимов	107
цветы	107
пол, пытающийся тебя удержать	108
Чужие земли	111
Восстановление разметки	116
шатры	120
Ростислав Ярцев	122
Аттракционы	122
«Верёвочки меж людьми...»	123
«Надо бы как-то пожить...»	124
«Мальчик подрастает...»	125
«Что-то бывает меж нашими и Твоими...»	126
«Смешно красив и хрупок, я тобой...»	127
«Остановиться, проткнуть, признаться...»	128
«Она осталась без защиты...»	128
«Будет одиноко и тяжело...»	129
«Поздно далёко темно...»	130
Постскриптум	132

**Екатерина Коляченко,
Андрей Пушников,
Анна Дорина, Максим
Ушаков, Дарья Мацынова,
Фасеточный Глаз,
Руслан Валеев, Полина
Саломатина, Ян Любимов,
Ростислав Ярцев
Птица и ольха:
сборник молодой
поэзии Челябинска**

Слово составителя

Не хочется пресекать ничей рост, тем более рост молодой

челябинской поэзии, поэтому не будем называть этот сборник «срезом», лучше назовём его прекрасным словом «запечатление». «Запечатление молодой челябинской поэзии». Также избежим слова «молодёжной», потому что «молодёжная мода». Хотя от «моды» здесь тоже есть, но не настолько, чтобы говорить «молодёжная». Возможно, кому-то именно «мода», присутствующая здесь, и не понравится, но составитель уверен, что количество её здесь оправдано и даже необходимо.

Авторов относительно немного, всего 10 человек, их возраст от 17 до 25 лет. Многие ещё будут расти в своём творчестве, но уровня этого творчества уже достаточно, чтобы быть запечатлённым. Может быть, кто-то из авторов когда-нибудь потом, намного позже, посмотрит на свою подборку и скажет: «Господи, что же я делал и зачем?». Но поспешим уверить его – всё хорошо.

Итак, представляем вам «Птицу и ольху».

Япишин Роман

Екатерина Коляченко

родилась в городе Рудный (Республика Казахстан). Поэтесса, искусствовед, художница. Публиковалась в антологии молодой уральской поэзии «Шепчутся и кричат», в сборнике «От мысли к мысли», литературном альманахе «Графومان», на сайте «Полутона». Также есть страница на портале «Литературная карта Челябинской области».

Песня № 1

You must remember this
A kiss is still a kiss
A sigh is just a sigh
The fundamental things apply
As times goes by

Держи дистанцию
Составляй слова из букв
Эмоции из жидкостей внутри
И держи дистанцию
И вовремя затыкай рот
Всё повторяется

Тягуче тянется как волны
Нахлёстывает на пятки
Наползает и всё
Повторяется
Так зарастает мочка уха
Чтобы быть проткнутой опять
С гноем и кровью
Золотой иглой
Прочувствовать это
Надо бы дать себе время
Но время мне себя не даёт
Льнёт к бесконечности между пальцев
Ничего вылетает из рук
Тинк тонк

Песня № 2. Малая бессонница

Oh, мамму... Oh, мамму, мамму blue...
Oh, мамму blue...

Кто мой учитель немоты
Я запрещаю себе спать
Моя особенная статья
Лежит в кровати просто так

За окнами такое дно

Что прям ни сесть ни встать
И всё что вижу я вокруг
Моё и мне под стать

На потолке две тени
Моя ещё моя

*Это просто оптический эффект тут совсем нет никакого
смысла

Возможно скоро первый снег
И розы отцвели
Огромная херовина
Виднеется вдали

Челябинск вовсе не Париж
Сей факт понятен всем
Неравенство возможностей
Не лучшая из тем

Муха села на варенье
Схлопнулось стихотворенье

*и это всё совсем не потому что у меня больше не осталось
никаких идей

«Сердце пинается в груди как ребёнок...»

Сердце пинается в груди как ребёнок
Чувствуется что что – что что – что
то

Склизкая эта точка на небе
смутно с глаз полуслепых полупьяных

Бред воздух такой густой
от молчания
дезориентация своя – чужая ориентация
ожидаемые рифмы прямые ассоциации
в этот вечер закончится всё

это не так уж плохо
это нормально
это прекрасно

снег тоже будто немного выпил и
никуда не спешит
земля как чай с жёстким известковым осадком

падаешь вниз и ласкаешь асфальт
(просто шатает что-то)
Не надо другого такого дна
Кроме этого в скорлупе гололёда города

И стоишь
Вернее лежишь
такой больной и охреневший
а луна целует целует в лицо

Рисунок

Воспоминания о тех представлениях
О будущем которое придумали
Даже не мы
Оно не делится на части
Слишком слито и огромно
Просто так неудачно упал
Свет луны на кровать
Что теперь не спать

Потому что опять
То же самое б****

Нет ни формы ни жанра

Ни концепции ни даже подписи
Серии номера
И чё теперь делать с этой
Невнятной работой?
Куда её девать?
Кто её сюда принёс?

В этих условиях
Можно было бы просто выбросить
А нельзя –
Замучает совесть хотя
Мы здесь все материально ответственные, да?
Ну и что?
Нас тут не любят и не ценят

В ведро!
Графический лист с Луной в углу
Примитивный простой
Падает луч на кровать
А где уже было такое
Зачем повторять?

Это был оборот
Черновик
Откуда узнали? Просто смотрели куда надо
Не предназначенный чьим либо глазам

Лицевая сторона – белая
С одним отпечатком
Указательного пальца испачканного углём

Как хорошо

Происхождение авторство год
Ничего не известно

Я оставляю его для себя
Привет тебе пустота

Рождение

«Надеялся я и ждал, что виноградник мой принесёт вино-
град,
а он вот зарос тернием...»

О, новый украшенный текст!
О жизни, любви и труде.
Как в детстве невозможно
Уснуть без слёз от боли,
Нежности, страха, от умиления,
От луны в окне
Так же и это невозможно

Читать без слёз.

Как отойти от наркоза
Мягкий надувной лабиринт
Частично тёмный
Частично светлый
В конце

Предчувствуя чувствительность
Как завтрашнюю головную боль
Предвосхищая восхищение

Утреннее солнце
Воскресенье
Весна
Тазик подснежников
Девочка

20 лет
Стоя возле главного входа ЮУрГУ
С большим бумажным стаканом кофе
И в кофе падал снег
И в кровь проникал сахар
И сталинский амфир
Возвышал и нёс и грел
Синие синие ели

Были ещё страшнее

Но ведь маячило что то

Старое

...Не ходите из дома на мороз

Голодным и уставшим...

Заботливый женский голос по радио

Там в наружности

Кривой лебедь из покрышек

Будет смотреть в глаза

Качелька приманивать

Сладким металлом от холода

Паломничество по святым

дворам

по родным местам

Сегодня пополнился набор

Старых билетов

И странных брошюр

А во внутренности

хочу такого же чувства

полного освобождения

лёгкости

мягкости

как в рекламе слабительного
только души
Пусть ничего не запомнится из
Этого дня
недопустимый запрос
недопустимый ответ
bad gateway

«Спит захваченная столица...»

Спит захваченная столица
Спят захваченные города
Свет кончился и коммунизма больше нет
Но до сих пор
Ваше вчерашнее там
Наше сегодняшнее здесь

У нас в каждом кармане по смерти
В правом от старости
В левом от удушья
Послушайте
Если дамоклов меч занесён
Значит это кому-нибудь нужно
Пыль печали
Пудра которой можно замаскировать память

Когда начнется массовый
падёж нашего вида

сегодня возможно настоящее
Страна – это не сонный источник
С макаронами организациями и пропиской

Ни белая ни синяя ни красная сторона
Но посыпана пеплом и сера
Вырастает за мною земля
И ни шёпота ни Ура.

«Вот если я никто...»

Вот если я никто
То что такое кто
И кто стучится в дверь мою
Когда там никого

Вдруг это дверь другая
И если она хлопнет
То где тогда ведь я не я
И нету меня дома

Так видишь дома нет никто

И кто то не откроет
Так уходи куда то кто то
И никого не трогай

Андрей Пушников

родился в Челябинске в 2004 году, ученик 11-го класса ГБОУ «Челябинский областной многопрофильный лицей-интернат для одаренных детей».

иф – нм – азм – ви

В гривы ивовых грифоф фплетены феньки и ю н е б а
в песок – зыпкой

в е

к о с т р а в и н и с т о й и ю о р и ч н ы е п я с т ь я и п е
н а к е а н а

з а в у:

найди меня

в ночных,

дождливо-(с липнущей к дрожащему телу

отсыревшей н и р в а н ь ю)-

панельных,

подземно-(со стенами в бутылочных осколках

растресканной краски)-

парковочных

прятках

в п у л ь п а с т и к и т а й с к и х к в а р т а л о в м и а з н у ю н а д п и с ь

жыром размазывает манэки-нэко

по изнанке оконных склер

И

на парашуте посткоматозного вдоха

по клишированной джынсе синего неба

В доме с терракотовым цветком

на бельевой верёвке

веки снавитца –

Для ниво

6-метровая кухня,

прорасшая в ванную увядшей геранью окна

сквозняк в зеркалах,

г о р ш ы т ы х белыми нитками соли,

узелками

что свяжэт память, (кроме лоскутных половиков?)

веть опухли жэ веки

t

В пустой

(что подчёркивает антропоцентризм

лексико-архитектурной конструкции)

комнате душно

(что асфиксирует афоризм).

Немытый стакан

– гадать по кефиру
(что гарантирует смерть в арктических льдах)
– перья, север канады и дельта реки...

На улице

(улицы, собственно, нет

– 18 пресловутых берёз

[имел ли ввиду автор попытки не спиться?],

которые, кажется, тополя

и надежда отечественного сель[Q.E.D.]хоза

под ПВХшными уиджами отдыхающих

{см. ниже – я скажу, где}

– но на улице)

дождь абстинентной слюной

ильных нёб неба

(призраков инфантильного спиритизма

в резиновых сапогах {вот тут})...

Грязные патлы,

рубашка с оторванной пуговицей,

и уже менее гипотетические

попытки не спиться,

лёжа на:

полу/шикарном диване – в холле,

гамаке/песке – в сумерках,

не дотягивающих до звания ночи

– "вернись до 10.20"...

(на фото(?))
весь такой (мелан/вы)хол(ичный/енный)
и оригинальный я
(с пирсингом из комара над левым виском)
держу плеер на манер гавайской сигары
/капельницы...

Здание санатория,
комната в серой и дряблой коже обоев,
наклейка на холодильнике (котёнок в траве),
ты...
и уже несколько лет
меня нет...

Сказка о тумане и лунной пыли

Ветер, воющий в замочной скважине,
одиноким расскажет
новеллу о вечности... Когда оконные рамы
заполнятся снегом, как глина корнями,
сквозь их индевелую смальту
увидишь сон. Полуденных улиц асфальтом
задымился и развеялся город.
Ворон

из тумана и лунной пыли,
окутав коконом крыльев,
унесёт и бросит на площадь,
окружённую каменной крошкой
упавших колонн, травянелыми руинами
древней башни... Синее
небо в распахнутых кронах,
как раскалённые
каменные плиты городской набережной.
Ты видишь собаку... и просыпаешься...
битой мозаики разноцветными камушками...
Ещё одно утро... Помещены
в формалин иссечённые сны...
Всё как обычно, но в ванной
запотевшее зазеркалье слюды
уже не таит
ничего кроме тумана
и лунной пыли... Небо
стряхивает пепел мокрого снега
в жестянку спальных районов...
Больно,
но больно вольно
перекати-полем
по крышам,
спящим стоянкам, неоновым светом
и гудением мух по забегаловкам, речью

прохожих над булыжником
мостовых, осколком мёртвого бога
на пыльных дорогах
лета,
заросшего сорной травой... Вечно...
Неприметный
человек в фетровой шляпе
и, сплетённом из капель
дождя, сером пальто докурил сигарету,
и, отразившись в бутылочном
стекле
города
призрачным
пассажиrom
на дымном крыле
ворона,
демиурга трамваев с невидящим глазом,
исчез... Под красным
умирающим солнцем
вернётся
он, чтобы закрыть глаза и этому миру...

Сказка о Сне Ноябрьском

Колёса маршрутки, как лезвия бритв

по артериям луж. Окатив
с головой религией
ноября,
они исчезали в парах, на свет фонаря,
выдыхаемых диггерами
из распахнутых люков. Придётся пешком...

Над вечерней аллеей шёл снег... тихо...
Кто-то плакал, там, меж ветвей:
это плакал Сон...

Он
был маленький, из жёлтой клееной ваты,
старых ёлочных игрушек и пустых площадей.
а потом он говорил
и убаюкивающий его крик,
как по канату,
поднимался в небо цвета индиго.

Октябрь. Дом,
разветвлённый до масштабов планеты...
Я жил здесь всегда,
а сейчас сижу за столом
у окна,
что-то пишу.
и пальцы карагача,
как капли дождя,

стучат
по стеклу...

Но голос Сна разгоняет иллюзию,
она сузилась
и пропала –
схлопнулась кисточкой на конце хвоста
зверька,
мелькающего в сухой траве...

Снег, подобно лунной золе,
укутывает меня.

Земля

открывает корни и коридоры,
архаический ужас.

Лисы и барсуки

ведут куда-то по тёплым извилистым норам,
угощают чаем.

Дым керосиновой лампы

мотыльками

в мёрзлый грунт потолка –

вода –

в мягкий мшистый ковёр, деревянную мебель,
старинные сундуки

и карие глаза зверька – в них горящие степи...

И только в ночном,

располозованном венозной сетью ветвей,
небе
белым дымком,
покидающим лёгкие
плавильных печей,
облака,
отдалённо похожие на тебя:
тоже холодные и одинокие...

Noon

Полдень. По дороге к реке
я увидел ребёнка в белой панаме.
Жара пахнет травой,
сдавливающей бронхи песчаных троп,
исчезающих в панораме
дрожащего воздуха там, на холме.
Ни то электрический разряд, ни то дробь
проступает перед глазами светлой кирпичной стеной.

Пустынный пляж
ребёнок играет на отмели. Стаи мальков
у его ног. Я дряхлый младенец,
роющий красную сухую гуашь
земли и поедающий корни странных растений.

Тысячи ящериц сливаются в судорогах ритуального танца.
мрачная песня течёт из их зашитых ртов
гулко и монотонно, корчась фалангами множества окро-
вавленных пальцев.

Он спросил:

«Ты не боишься, что они станут твоими новыми друзьями?»

Я ответил, что мне, наверное, слишком не хватает его белой панамы...

Анна Дорина

родилась в 1999 году в Челябинске, сейчас живёт в Санкт-Петербурге, учится в Государственном экономическом университете. Изучает географию и экономику Западной Европы с уклоном в страны Скандинавии. Занимается наукой. В 2017 году участвовала в летней творческой школе «Новые имена» в Суздале.

Группа «ВКонтакте»: <https://vk.com/lrdfystrdyt>.

Январь

В беззвучном подреберье января
Железо спит, со свистом выдыхая,
И поезда над городом парят
Безглазой не оперившейся стаей,
Сцепившись, как упряжка гончих псов,
От станции до станции грохочут.

Но ты уснёшь – разгладится лицо.
И мало ли что грезится мне ночью,
Когда из труб холодный дым вздыбил,
Как белый конь, в борьбу вступивший с ветром.
Над ним повис стеклянный цеппелин.

От станций поднебесных ждёт ответа.

С надеждой глядя в прорези бойниц,
Давно без сна остаток экипажа.
Твоё лицо – среди их храбрых лиц,
Но разве о таком тебе расскажешь?

Ты спишь. Твой сон от странников ночных
Надёжно бережёт сверхпрочный купол.
Под окнами чудовище кричит,
Но хорошо, что сердце твоё глухо.
И хорошо, что сердце твоё слепо –
И на снегу не разглядит следов
Когтистых лап и лужицы рассвета –
Так стынет на земле драконья кровь.

И чёрный рыцарь с каменным копьём
Идёт, не ощущая вес доспеха,
Нацелившись горячим остриём
В дымящуюся рваную прореху.
Дракон умрёт, окаменеет рыцарь,
А экипаж сигнала не найдёт.
На рельсы упадут стальные птицы,
Как солнце завершит свой оборот.
И ты проснёшься, никогда не зная,
Что каждой ночью в стылом январе

Даёшь упасть моим железным стаям,
Даёшь моим драконам умереть.

Озеро

Тебя обнимаю сквозь зеркало и года,
У озера, солнцем жжённого, как слюда,
У города, что ветров и дождей отдал,
Но так и не дал тепла.

Позволь мне ворваться в скудный теплообмен,
Нелюбленому ребёнку холодных стен
Церквей, подземелий, башен и крепостей –
Не дать тебе опустеть.

Туман над водой как угли и молоко.
А око у змея горного велико,
Слезится от гари, в горле скребётся ком.
Он тебе приходится земляком –
Поломан, сожжён, но всё-таки не при ком.

А эти стальные звери не знают слёз.
Динамик хрипит. Срывается стук колёс.
Мчится Уроборос, завершая кросс.
Ты спишь, прислонившись к глазу его виском.

«Смотрите, глупцы, я всё ещё не при ком,
Я всё ещё за себя и за свой хрупкий дом».

Позволь мне быть за тебя!

Когда, не успев потухнуть, взойдёт заря,
Сутки без сна, и веки внутри горят,
Как будто в толпе в метро подцепила ад.
Позволь мне не дать тебе повернуть назад.

Твой замок висит над озером в небесах.
И не предусмотрено лестницы и моста,
Чтоб каждый, кто хочет, смог до него достать.
И не позволяй никому достать.

Я помню опухший нос и дорожки слёз.
Их цепко сковал мороз.
Я помню, как жгло, как сто раскалённых жал,
Как сердце болело – раненый дирижабль,
Как глубже и глубже всаживался кинжал.

Привет! Обнимаю крепко.
Стекло потерпит.
В твоей войне не бывать настоящей смерти,
А брошенное в огонь – не горит, а крепнет.
И там, где сойдут ожоги и чешуя,

Однажды
Вырасту
Я.

Герда

Летом Герда не ищет Кая.
Летом девочка отдыхает.
Но, закатным огнём пылая,
Входит августовский озноб.
Он вдыхается горьким паром,
Будто тлеют цветы и травы,
И бледнеет, сокрыт туманом,
Над рекой колокольный звон.
Этот звон, как осколки, резок,
Оставляет в полях порезы.
И печаль, как с истёртых фресок,
Вновь у Герды сквозит в глазах.
Краска в трещинах, заусенцах,
Словно карта причин и следствий,
И в дорогу стремится сердце,
Чтобы Кая вернуть назад.
Потемнели дожди и ветры,
Облепили вороны ветви.
Километр за километром –

Гугл-карты нашли маршрут.
Что тебе не сиделось, Герда,
На постели твоей нагретой?
В царство льда, темноты и смерти
Ты опять начинаешь путь.
Опустевшие электрички,
Отсыревшие за ночь спички,
Всё, что было, взяла наличкой,
Чтобы не оставлять следов.
Голос Кая зовёт в тумане.
Сообщения – только маме.
Остальные тебя не знают
И не станут искать среди льдов.
А казалось, любили очень –
Вы друг другу звонили ночью
И клялись, что однажды – точно –
Будет мир весь подвластен вам.
Герда верить хотела в это,
Но теперь на исходе лето,
И дыра между рёбер где-то
Снова гонит её в туман.
Полустанки, пустые полки.
Рельсы светятся, как осколки.
Кая знаете? Всё без толку:
Нужен северный самый край.
Только Каю никто не нужен:

Ни любовь не спасёт, ни дружба.
Раскроши перед ним всю душу –
Из неё сложит слово Кай.
Герда пишет: «Спокойной, мама,
Возвращаться пока что рано,
Дам чутка затянуться ранам,
Вот бы только его обнять».
Снег хрустит под её ногами.
И выходит встречать дворами
Кай с улыбкой из льда и стали
Герду номер сто тридцать пять.

Олень

Это был самый большой олень –
таких ни в стадах не найти, ни в тундре,
собой заслонил он полярный день,
и взгляд у него был печально-мудрый.

Рога подцепили ночной туман –
как будто окутаны паутиной.
Олень стоял и, похоже, знал,
что от погибели не уйти ему.

Глаза черны, и кривятся губы –

улыбка смерти светла, как день.

«Давай его убивать не будем, – сказал я, –
пусть поживёт олень».

Но брат свой лук натянул упруго,
прищурил строгий раскосый глаз.

Олень стоял, и молчала тундра,
и всё смотрело вокруг на нас:
и камни, и мох, и морозный ягель
глазами хозяйки степей Луот.

«Давай мы его убивать не станем, – сказал я, –
пусть он ещё живёт».

Но брат отпустил наконецник пёстрый,

Стрелу отправив в олений глаз.

Над ухом свистнул холодный воздух.

Олень рванулся в последний раз.

Мой брат от радости засмеялся.

Луот сегодня была добра.

Остались целы рога и мясо.

Всё мясо – веже, рога – богам.

Да только сердце рвалось от боли.

Прошло голову остриё.

Я лёг и крепко оленя обнял.

«Прости, – сказал я, – прости его».

На тундру сумрак упал внезапно –
белёсый, стылый полярный дух.
Мой брат решил не спешить обратно,
заснул, прижав к себе верный лук.

И спит, вдыхая и выдыхая
на травах выстывший дым костра.
Во сне считает оленей в стае.
Ах, вот бы я мог спокойно спать!

Олень-дикарь околдован смертью.
Улыбка с мягких не сходит губ.
Лежит, очерчен седым рассветом,
как будто каменный древний дух.

Но что-то: вдох ли, дрожащий ветер
скользнул по коже и обдал льдом.
Олень поднялся – и в бледном свете –
мне по-людски улыбнулся он.
Прищурил глаз, перебрал ногами –
совсем живой, как у нас в стадах.
Луна взошла – подцепил рогами,
и мшисты были его рога.

Я крик давил у себя в груди,
там вырос тёмный колючий лёд.
«Олень, – сказал я, – тебя убили,
а ты как будто ещё не мёртв.

Ты зол на нас?

Я бы тоже злился.

Тебя, наверное, ждёт семья.

Беги обратно в степях резвиться,
а брату тайну не выдам я».

Но он стоял, и сочились слёзы
из глаза, битого остриём.

Я знал: ему возвращаться поздно
туда, где ночь вытесняет днём.

Нельзя.

Всё плачет и умирает.

Живое – корчится и горит.

И холод хлещет, и стрелы ранят –
И тундра тонет в густой крови.

Зато из алой земли горячей
растёт и ягель, и мох, и мак.

Слепым умерший родится зрячим.
В обличье зверя вернётся маг.

И станет озеро полным рыбой,
когда красавицу унесёт.

Лишь погибающий непрерывно
от смерти будет навек спасён.

Олень, забитый стрелой саама,
вернётся в стадо его живым.

И ты не плачь над холодной раной,
из пальцев в ночь утекает дым.

Олень молчал, но слова, как иглы,
кололи сердце и лунки глаз.

Вернулся ветер. Зола остыла.

Олень рванулся в последний раз.

«Прощай, – сказал я, – до скорой встречи».

И сон меня потащил на дно.

Наутро, ношу взвалив на плечи,
мы с братом шли по степи домой.

И я глядел на улыбку брата,
суровых глаз потаённый пыл.

«Ты был оленем давно когда-то, – сказал я, –
только уже забыл».

Кость

Этой ночью мне не спалось
Впервые за долгое время.
По углам и за дверью роились тени,
Не тянули рук, не взбирались на стены, а громко шипели
Одно только слово:

«кость».

«Кость» – слово острое на языке.
В нём остался древний ночной напев.
Взяли в горсть – и бросили в пасть костру.
Дрожащая тишина струн,
Ветер, поднимающий вверх листву,
Белый шум или ультразвук –
И те скажут лучше, чем это умею я.
Знали бы вы, как страшен напор огня,
Как сердце болит от близости острия.
Как хочется закричать – но вовне ни слова,
Язык – как структура – выпотрошен, изломан,
Когда дело доходит до честности или слабости.
Это кость стоит поперёк горла.
Точит конструкции, слоги, призвуки –
Оставляет, что ей понравится,
Самое главное вырезав.

И приходят призраки, и приносят злость.
Говорят мне: ты нас не высказала.
Говорят мне: во всём виновата кость.

Железное сердце

Железное сердце делает оборот.
Засохла река. Засыпят песком. Построят дома.
Засохшую реку не перейти вброд.
Земля отмеряет год.
Всё идёт на дно.
Из ила и пепла растут слова.
Забор, на котором остался клочок футболки.
Железная сетка, бетонный берег.
Слова исходят от тех, кто умеет верить.
Я мелом рисую двери.
Удар вызывает трепет.
И эхо молкнет в усталых железных лодках,
Прибитых к мели.
Шарнирный бог на больших ладонях несёт мессий.
Мы кормим Россию!
Три века мы кормим Россию!
Три века в этой густой, как смола, воде
Рождается дрожь от железных клапанов и артерий.
Оно бьётся для тех, кто умеет верить,

Для тех, кто в беде, видит окна в густой воде.

И бегом врзается в камыши.

Ты только дыши, железный монстр, дыши.

Освещай, корми, выдыхай огни.

По конвейерам пропуская безмерные

Чёрные стаи, которые вскоре растают, и останутся голоса.

Чайки над высохшим руслом реки.

Флаги, потухшие маяки.

Флаги несёт ветер – для тех, кто умеет верить,

Кто слышит призрачный зов чаячьих голосов,

Корабельных лесов,

Кто в сетях своих снов находит записки от бывших луч-

ших любимых друзей.

И нету планеты тесней.

И нету любви честней.

Потому что одно на всех в нас

Бьётся железное сердце.

Люди склонны меняться.

Я верю, что люди меняются.

Я тоже меняюсь,

И ступаю в твои покои, железный бог,

Походкой совсем другой.

Я давно не видела берегов,

И мне сложно поверить, что мир может быть таков

– уместаться в твоих ладонях.

Но всё комкается и тонет.

И смотрю я насмешливо и бесстрашно,
Будто было с другой мной.
Но дрожит земля, и слезает за слоем слой,
А я стою упрямо перед тобой.
Как будто мне снова семнадцать.
Отучали верить – да так и никто не смог.
Я снова давлюсь чернильным каскадом слов.
Зачем я тебе тут, глупый железный бог?
Зачем моё сердце съел и перемолол,
бесстыжее человечесьё?
Зачем я так сильно чувствую боль и жизнь,
Как будто в груди поломанный механизм?
А он железный?
Он точно вечный?

Чад

Далеко-далеко на озере Чад происходит ад.
Птицы ночные кричат.
Земля горяча.
Утекает туманный чад
в темноту.
Я сегодня не пропаду.
Железный приклад пристроился у плеча.

Я не знаю, где наша семья, не знаю, где я.
Меня греет земля, саранчой звеня.
Это всё, что со мной, всё, что я унесу домой –
горизонт, неуклюжая колея.

От слёз земле растресканной мало толку.
Жирафа задело осколком.
Но я не заплачу – я стану пустынным волком,
мне нужно в тени отдохнуть – и только.

Меня научила Руни этой игре.
Она старше, безжалостней и мудрей.
Меня научили, как жить, чтоб не умереть
от голода, жажды или ночных зверей.

Когда железные носороги упали сверху,
старый Джа сказал,
что это проверка,
наша вера была некрепкой,
и в гневе предки нам послали с неба огонь и боль.
Солнце вышло из берегов,
и наше село, как раненый зверь, легло.

Из-под обломков: колено, рука, крик, заточенный, как
кинжал.

Мама велела бежать, и с тех пор я должна бежать.

Все умерли там, и мудрая Руни, и старый Джа,
наверное, в яме одной лежат.

Но, может быть, мама ещё жива.

И вот я иду, подобрав ружьё,
горячие пули звенят дождём.

Я засыпаю в тени у камня
и боюсь, что ночью меня прожжёт,
и я никогда не вернусь к маме.

Если она спаслась, то сварила отвар для выживших
– смазать раны, рубиново-алым брызжущие,
словом, мама сможет всех вылечить.

И, закрыв глаза, я почти что слышу её,
и голос её медовый, в земле звеня, к дому ведёт меня.

И голос Руни ведёт тоже.

Напоминает, что я чудовище,
что я безжалостна и зубаста.

Я уничтожу всех, кто пришёл сюда убивать нас,
из-за кого вода кровава и горяча
в нашем озере Чад.

Я засыпаю, и ружьё засыпает,
пристроившись у плеча.

Питер Пэн

в садах зацветают вишни,
но яды бегут в водостоках,
и люди наполнены ими,
не могут ни петь, ни плакать.
наш город, в конец обозлившись,
встречает пришельцев жестоко,
и ангелы виснут на шпильях,
как бабочки на булавках.

раскройте грудную клетку
навстречу пустым надеждам
и вместо вина и мёда
отведайте горсть свинца.
не смыть из-под кожи метку,
ничто не пойдёт, как прежде,
мне вынули дух ребёнка,
оставили – подлеца.

завидев на горизонте,
как зубья топорщат скалы,
мы точно не взмоем к небу,
по-чаячы морща глаз.
на скорости гибнут сотни,
забыв опустить забрала,
а завесь стального sklepa
от боли спасает нас.

а Темза, дорога крови,
свидетель моей потери,
давно ли цветные звёзды
звенели в твоих руках?
слетают к твоим покровам
и сыплются в пепел перья –
а я сквозь горелый воздух
ловлю языком их прах.

он падает мне на плечи,
белит в волосах, как иней,
но – верю или не верю –
я с ним не смогу летать.
я стал бы намного легче,
дождём разметённой пыли
с пыльцой от капризной феи,
но фея давно мертва.
и взглядом остекленевшим
взирает сквозь лёд витрины,
и сотни таких же пленниц,
как передовой отряд.
и крылья цветные блещут
фольги неживым отливом,
и дети их рвут, надеясь,
что феи не улетят.

всё бьётся с хрустальным треском,
и обнажены скелеты
тех ярмарочных палаток,
где мы обретаем плен.
мне тут не осталось места.
я в небе ищу планету,
откуда сбежал когда-то
под именем Питер Пэн.

Джеймс

Джеймс, это море достало до самых окон,
и все книги твои, все письма твои промокли,
и конверт, где хранился чей-то кудрявый локон,
течением к телевышке несёт вода.

Прервана бесконечная череда
долгих очередей, огоньков машин.
Мы сидим в безбрежной морской тиши.
На солнце горят разбитые витражи.
Это наша жизнь – разноцветные муляжи,
некогда забетонированные во лжи.
А теперь – дыши!

Джеймс, это же наш шанс никого не ждать!
Плыть, отталкиваясь от крыш остриём ножа,
нанизанным на весло, – это штык, штандарт
одинок, —
дрейфующих без якорей и карт.

Базы данных стёрты. Перерезаны провода. Миром правит
вода.

Свобода ещё никогда
не была так близко.

Джеймс, посмотри, как тонут простые числа,
спускаясь, как по ступеням,
всё вниз и вниз, но
как весело поднимается вверх вода!

И вот уже крыши, антенны, и телевышка
– всё затоплено и не дышит,
И ни следа
не осталось от Уайльда, Киплинга и Дюма.

Но, Джеймс, отчего ты смотришь с такой печалью?
Мы же теперь одни из безумных чаек
без берега, крова, города и гнезда.

Темнеет, и над водой поднялась звезда.
Джеймс, я давно прошу тебя перестать

так глядеть назад,
будто тянешь на перевале
большой корабль,
набитый золотом, сталью, трупами и свинцом.

(У русалки заросшее мхом и моллюсками праведное лицо).

Но Джеймс уже далеко.
Антенны цепляют драповое пальто.
В карманы набились камни.
Джеймс плывёт туда, где бушует пламя
непослушного локона рыжего.

Над водной гладью качается телевышка – Джеймс ничего не слышит.

Джеймс никогда в воде не отыщет потерянного конверта.

Шторм налетит с ветром,
подхватит Джеймса и в сторону Африки унесёт.

Возможно, тогда Джеймс будет спасён.

Максим Ушаков

родился в 1997 году в Челябинске. Писать стихи начал в 16 лет. Окончил Южно-Уральский государственный медицинский университет. В настоящее время живёт в Санкт-Петербурге, учится в НИИ травматологии и ортопедии.

«Одна раковая больная...»

Одна раковая больная.

Два оперённых глаза

Три ночи

Четыре протяжные ноты

Пять зубов выбил тебе сыночек

Шесть лет боль в животе становится хуже

Семь волос каждый день вынимаешь ладонью

Восемь минут ты не дышала, пока молодой врач интубировал тебе горло

Девять – номер городской больницы, где тебе суждено умереть

Восемь миллилитров в час допамин на инфузамате

Семь раз в сутки тебе дают трамадол

Шесть человек в хиркостюмах тебя не любят

Пять палат в отделении реанимации

Четыре часа до рассвета
Три часа тебе остаётся прожить
Два часа тебе остаётся
Один час тебе.
Одна.
О!

Считалка для миллениалов

А в двухтысячном году
Я бесследно пропаду!
И напишут на могиле:
Жил, как все когда-то жили.

Год две тысячи один:
Не дотянем до седин.
И начертано на камне:
Это жизни умиранье.

Год две тысячи второй:
Похороним под горой.
И напишут на стене:
Этот год погиб в Чечне.

До две тысячи седьмого

Будет вовсе не хреново.
И напишут на оградах:
Хоронить не надо.

А в две тысячи восьмом
Снова все опять умрём.
И на крышке вбито:
Хоронить в открытом.

Год две тысячи девятый,
Статистически приятный:
Тридцать случаев из ста –
Зарыли вовсе без креста.

Вихрем годы пронеслись,
Счёт идёт, пока есть жизнь,
Кто кричит, кто стонет.
Жизнь – она не тонет.

Год три тысячи шестой
Чиркнул спичкой холостой.
Пусть пылит эпоха:
Будет всё неплохо!

«Лето господне...»

Лето господне
Кормит меня с руки.
Если обрящешь,
То не перестанешь верить,
Что жизнь – это танец
На берегу реки,
Берущий движения
У берегов постели.

Буйная милость
Зазеленила взгляд
С начала которого
Всё – начало.
И если хоть раз проснёшься,
То не вернёшь назад
Спросонья взорванного
На том берегу запала.

Задремлешь – видишь:
Отцовская тень плеча
И мамина юность
Уходят в джунгли,

Совсем уходят.
Лето Господне
Содержит в себе печаль
И что-то шепчет
На сумрачном
Небосводе.

Миниатюра в метро

Десять тысяч шнурков
В одночасье застряли
В прорезях эскалатора.
Предчувствие, осознание испуга.
Поздно: хрустко ломаются
Лодыжки, колени.
Всех перемалывает сочная мешанина,
Обеспокоенно лопаются черепушки,
Конвульсии кадыков и агональные сжимания сфинктеров.
Крах на конвейере.
Кто-то пытается выбраться,
Снять башмаки.
Акулы челюсти эскалатора
Вгрызаются в лопатки проходимца,
Тащат в фарш.
Это случилось на Чкаловской.

Один свидетель.
Выжил только я:
Мне на шнурки не хватило денег.

Кладбище

Из земли из земли
Нарастали и шли
Материнских волос завитки.
Ах дочерний расцвет
То ли был то ли нет
На могилке растёт паслён.

С глаз долой
А из сердца вой
По дороге домой
Попрощаюсь с тобой
И черна и свежа
И пахуча зимой
Как чужая скрижаль
Как язык мировой
Поцелуй меня в чресла.

Глядит через заросли весело
Мой невесёлый отец

Я имею в себе твой чудесный скелет
Пожирают тебя корешки.
Озорной озорной
Был мужик боевой
И теперь он с надгробия смотрит.
Ну чего ты отец
Я твой сын твой подлец
Твой законный феномен зачатья.

Как татары лежат кривобоко
Всё равнение на одного
Кто создал из Корана – барокко
Кто создал его кто?
Иволга жимолость травы
На любого найдётся управа
Не лежал – полежишь.
Да не встанешь
По-любому не встанешь.

«Иногда меня тошнит от себя и собственного опыта...»

иногда меня тошнит от себя и собственного опыта
ностальгия, скучания, переживания
не отравляют мне жизнь, но делают невыносимой.

не стучай меня не стучай

я не стучаю тебя, дурачок, я тебя е**** ногами, неужели тебе совсем

ничего не надо

а мне-то ясно только одно: мир –

глобус, пилюля, потеря связки ключей

в тонкую щель шахты лифта

жизнь говорит со мной с позиции герменевта через сдвиги времени счастья и моего времени

и вот этот академический разрыв

я толкую как асфиксию порядка,

как дефлорацию примерки суицида.

иногда меня тошнит от себя

а иногда меня тошнит на себя и

саблями саблями саблями я бы разрубил китайскую ловушку амбиций

не стучай меня не стучай

а я тебя и не стучаю, любимый, я ведь рожаю тебе детей мы живём вместе уже 9 лет ты забыл кто я

я забыл тебя и забыл кто ты я мальчиком получил в грудь напильник

и с тех пор научился только читать плавать и шить ниточки сухожилий

ностальгия, скучания, переживания
не отравляют мне жизнь, жизнь отравляет меня, как бы
странно это ни звучало
и если пацанам нужны победы то мне нужны триумфы я
никогда не читаю себя
не зову себя по имени
я богомолья поступь
забытая комната эрмитажа
первая росинка мая
я длительность
длительность
длительность
но и только.

**«Катились в тишине, в
земле сплошные знаки...»**

катились в тишине, в земле сплошные знаки,
и что же не знак тебе, господи, как моя скука?
да, это я тебе подаю знак,
а ты реагируй.

в больничной палате истечение желчи
реагируй

домушнику сломали запястье
реагируй
в Питере сифилис передаётся устно
реагируй
расчленили городской бюджет
реагируй

переплетаясь с тишиной уедешь тихо
не говоря друзьям о тошноте
о том что камеры не мигают
о том что в челябинских клетках
табачная мозаика прошлого
как орангутанг-мама убивающая младших детей
чтобы прокормить одного старшего.

как ленинградские орангутанги.
всё, что чувствуешь – холод,
даже в бабушкиных
шерстяных носках.
а помнишь,
ничего уже не помнишь,
покинуть душевую не можешь,
идёшь в тишине
по уральской тропинке
в дикий лес
к тому,

кто тебя ждёт
с реальной лопатой
вместо весла.

«Просыпаясь в сушняк...»

Просыпаясь в сушняк
Понимаешь одно
Что не будет ресурс возвращён
Что вся жизнь – следствие
Родовой травмы
И родовая травма тоже
Последствие чьей-то жизни
Что же мы все
Делаем не так
Где красота где красота
Где.

Дарья Мацынова

родилась в 1998 году в Челябинске. Училась на журналиста в Южно-Уральском государственном университете, но была отчислена. Участвовала в поэтических конкурсах района и города, занимала призовые места.

Группа «ВКонтакте»: <https://vk.com/jadati>

«Печальная лодочка...»

Печальная лодочка
Лу-у-уна
Под женское грустное
У-у-уа
Бесстрастно качается
В темной воде.

Конец!

себе?

Голова твоя – будка-явь

В ней я собака жуткая.
Вне дыр глаз твоих находится
Чудесный двор-сон вид:

В нем я собака жуткая,
Ключья клоками по двору,
Проношусь по репейнику,
Холкой вбиваясь в грязь.

Но голова твоя – будка-явь:
Место для пребывания
Меня, как на старой станции,
Где летом цветут акации.

И там я, собака жуткая,
Из двор-сна в яви представшая,
Вдруг становлюсь просто Дашей.
И уезжаю вдаль.

«Меня нет, меня нет!»

Меня нет, меня нет!
Мнения нет ни о чём.
Сарафанный поток голосов –
По нему плывём:

Я плыву, отстаю,
Меняю лицо, прикид,
Вместо меня – ничто.
(Меня нет) Я – буквальный вид
Незрячего человека.
(Меня нет) День стоит кислый.
Разбираюсь в своём составе:
«Меня нет», «мне ненавистны»,
«Мне нравится», «я люблю»,
«Сегодня мне горько».
А по факту состав один –
(Меня нет настолько).

Я нежно плыву в потоке,
Вот так «девица»!
Говорю глазами, (дай бог)
Чтоб смогла и в тридцать.
Говорю сквозь глаза (тебя нет)
И тебя! – где вы?
Поперёк тока крови,
Сквозь нейроны моей коры,
Не доходя до цели,
Теряется звук.
Меня-мнения-нет.
Есть друзья и хороший друг.

28 июня

Летом в четыре часа
Небо в лиловой ткани.
Льёт неожиданный дождь —
Лбом о стекло и камни.
Вечером новый ночлег
Шире весомого «дома»,
Я ощущаю вкус дыма
И кофе на стенках неба.
Двоица в двух селёдках,
Галстуках итальянских,
Что-то мне говорит:
Милые сердцу пьяницы.
Дом условно застыл
В долгих ночных беседах,
Имя моё захмелело
И потерялось где-то.
Хлипкую дверь балкона
Лупят размашисто грозы:
Лучше не стой у края —
Пахнет озоном воздух.
Пятки теперь холодные,
Небо в лиловой ткани.

Как мне бывает радостно,
Что я где-то «дома» с вами.

«На счётчике меланхолии...»

На счётчике меланхолии
Стрелка побила рекорд.
Град побил урожай. Непогода.
Я всё пропил. Один аккорд
Я с моим отцом. Всё потеряно.
В мусор выброшен вместо мешка
Скелет трёхколёсного велика,
Кукла, кофточка, женский шарф.

«Эхр вистрваК клиноТсемь стэкОма?!»

эхр вистрваК клиноТсемь стэкОма?!
ЗаНиздАкум верлЕн лилео кимед,
Таскав мру, тистера ЛигетриИонок?
Я – НесусвЕтный заТейливый бред! (ред.)

«Сегодня не мог я дойти до двери...»

Сегодня не мог я дойти до двери,
Порог от меня был далёк.
Две тысячи миллишагов от него
По линии до моих ног.
Стою, весь глупый, в ботинках уже,
Борюсь с могучей чертой.
А в зеркале я же смотрю в пустоту –
Хилый и полуживой.
Так кажется... Прямоугольник как гроб,
И шепчет как будто бы мне –
Я, снова все мысли вооружив,
Решаю коварный пример,

Где минус – это знакомый порог
А шаг – тот спасительный плюс.
Я снова останусь стоять у двери,
Потому что идти к вам боюсь.

«Темнота легла облаков поперёк...»

Темнота легла облаков поперёк
Небесной стрелой.
Я лежу на снегу, наблюдаю звезду
И знакомлюсь со мглой.
Обнимает как мать, она обволокла,

Нежно пальцы вдавив:
Откопают со взглядом заиндевевшим –
Поразительный вид.
Разругалась одна половина дуги
С половиной другой –
Не смыкаются веки под длинной и
Чёрной небесной стрелой.
Как синоним пустого пространства
Моя голова,
Ночь уйдёт, но звезда не погаснет
И будет права.

«Мои паруса лавируют...»

мои паруса лавируют
не понимают воздуха
не понимают выкриков
выбежавших матросов
тянутся три каната
по волнам ударяются
ветер запутал волосы
а я смеюсь от радости
а я стою, и паруса
изорвались и треплются
треплются гости палубы

воды бегут и пенятся
а я стою и радуюсь
сырость, гроза, прибытие
бьются канаты рыбами
«кто-нибудь помогите мне»

Фасеточный Глаз

родилась в 2004 году в Каменске-Уральском. С 2013 года живёт в Челябинске. Учится на втором курсе Южно-Уральского государственного колледжа по направлению дизайн. Стихи пишет с 16 лет. Активный участник городских поэтических мероприятий, таких как «Дядя Слэм», «Каменоломня» и проч.

Группа «ВКонтакте»: <https://vk.com/sulleco>

«В сонных лицах потонут...»

В сонных лицах потонут

Не видать

Гладкие лица растущей луною в морщинки вложат глас

Без завтра, без нас

Морщинки беззащитней лика младенца

Без запинок, молодая кожа так сонно непроходима

Видится смерть

Лишь потонут

Не слышно вас, равнины

Возможно, было ошибкой

В зареве щёк потерять

Но свободно, вместительнее всякой корзинки

Дышится цветами где-то там

Падает гусеница на листочке, да яблоко с яблоньки, я роняю и падаю

Лица лица лица

Болотце безличит меня

А солнце вовсе испарило тебя

Бессоннице-ночке приспичит без представления, во сколько миллиардов там отразились все мысли и разбросано по словам, куда целей так

Небывалый этап рассеял туман

Химерический решился

И при солнце свечении конденсируешься, так мило-люби-мо

Личико

«Здравствуй, мальчик и маячок...»

Здравствуй, мальчик и маячок

Сошкрябанная грусть, скрываемая пенной покрывальней моря

Рассвет приветствует вас наволнением красок

Свет омывает воды

И смывающая, и оседающая, и живущая в волшебном кувшинчике та лучистая волна

И тот ясный глоток

Который вовсе не тошно хлебнуть и захлебнуться, и войти
в круг

В него «однажды» всплывёт сном пробудным

Провожая сон ты вспомнишь

И спасёт маячок

Я, засыпая, вижу тебя, мальчишка у моря

«Приручая мысли...»

приручая мысли

перевожу на плоскость языка

в отражениях потолка

дохлой стрекозой

на плаву речки я

против речи я

свобода размякла бумагой

полёт не расправит

не сгладит осадком водным

даже высохнув

не жить прошлым

нуждаешься ли в нужном

темнотой отливали многограни

где клон копии

не ясно

солнце ослепило

образ пуст
в поглощениях
свет желания
смысла
цели
в темноте больше чем нужно
поверь знанию
принятия неведения
вдохни вздох дохлой грудью отрицания
выдохнув отразя противоречием
не на речке я
против течения
в таксидермии чувств

«Я так-сяк...»

Я так-сяк...

Иссяк.

И снова иду я спать,

А нет,

Я ещё не вставал.

Подсознание внутри меня захлебнулось в бульоне лжи.

А ты смотри у меня, не лги.

Подземелье-темнота без звёзд, они уж точно потухли давно.

Всё замерло.

Холод.

Кислород пропал,

Но я давно живу не дыша.

Живу ли я?

Остановка, но даже здесь не отдохнуть.

И вот, я опять иссяк.

Да всё потому, что живу я так-сяк...

Даже страх мой встал и сбежал, а я всё живу никак.

Я так...

Пустяк.

Улица Свободы

Последний представитель диких быков тяжёлой выюгой в слог лёг. Отпустил.

Топь дрожащая застыла скобой.

Можно выйти за устремление стрелки,

улица свободы в ренессансе? Вывеска клонится в дождь, буквы плывут за...

Важно ли? Вздор ли? Остановка ли?

Если врезался в остановку, и она промялась или проще: кривая остановка.

Чернильца по стержня острию в капь.

И они отпускают. Так... Вот узелок.

Распутай-ка мысль.

Вижу путаницу снизу, вверх упираются шаром размагниченные обстоятельства в примеси разноголосых чувств наперебой, не усваивается, тошно. Промёрз, чтоб тепло, коснулся вздора, чтоб важно. Так вот посторонние шары, а кому сами решайте, головы в потолок электролизацией, а низы в узелок.

Ты протяни рельефы. Только. И.

Без наших надстроек, потолков мысль улетучится. Да, не видно, но жить в моменте-то не приоритетней ли?

Важный, вздорный, свободный, топкий, липкий и такой придирикый, продолжи...

Жить взаймы, в кредит, в слоги.

Урод, свобода и глупые важно, металлическая остановка, что плавно текла и мы в фасеточном глазе.

Туманным утром в окошке виднелась вывеска. Вымирал слог в ренессансе.

Вымок.

Расплылся.

Капь...

«Мысль воспоминаний отражением...»

Мысль воспоминаний отражением
Чернил на внешней оболочке ручки
Не всяк прозрачен

Двойной петлёй природы
Наблюдая за привязкой чувств
Натыкаешься на образ и частью его
Актёром за пределами театра
Призрака не замечают

От каждой колбы в свою
Уникальной формулой реакций
Механизмом клона
Рожден безымянным

Страх пустотой незнания
Перекрывает шарик стержня
И лист тогда слывёт ненужным

В пределах забора булимией мозга
Чистота не находит ценность

Полосою красной
Оправданий человека
Из многочисленных

Продуктом subtilным
Лишенный бейджика шар катится метафорой мира сквозь
строчку
Без оболочки органов
Свежестью чернил

«Отмерший кусок ткани...»

Отмерший кусок ткани
В настоящем времени
Не значит стоящим
Движения мастодонта
Взору замутненному
Мировой водой
Отбеливает зрачки
Образ втекает в образ
Находя гибрид
Новая ступень креатива

Не выше
Не лучше
Невидимкой
Абстрагировано от вне абстракций
Звезда сильней обстоятельств
Перед путником погаснет
Поглотит под ногой
И угаснет с ней
Темнота лисом
Путника зайцем провела
Не адаптироваться
Ни к чему
Если веришь глазам
Не более
Престижем предстала пред вами
Слепец мудрее
Там есть невиданная грань
Прозрения
Скрытого от белизны
В ней всё искажением отразилось
Отображением в умы
У радужки степным волком
Проекция мысли былой небылого
Постоянного спутника человека
Текучим пигментом времени на холсте
Мироздание хосписом обесценивает

Цену и ценник придуманные человеком
В вере утопают ослеплённые надеждой
Загнанные страхом боли и страданий
Топчутся на месте
Тюльпан цветёт
Благодаря почкам
Зародившимся в суровом месте
Цветы этим совершенны
Не удивляйся волчьему смеху
Краске моего тела
Движением левитации
По тонкому канату
К нему все чувства
Из сердца прикреплю
И оступлюсь
И упаду
И разобьюсь
Ибо только так я на земле смогу очутиться
Только так перестану
На месте топтаться
И почкой новизна
Кислородом умы людей наполнит
И степной волк заживёт спокойно

«Плафон люстры зарево гасит...»

Плафон люстры зарево гасит.

Приглушённый мягок с моим взглядом.

Комфорт до автомата.

Отпечаток на стекле,

взглянул на солнце из-под пыли слоя.

В произношении ослеп.

Постоянство разбилось о страховку, пределы вышли за очертания призрака.

Волан с вельвета рукавом сползает в поток паутин, с тем поглощённый носок.

Ящик пустеет? Прорези от пуговиц эмали открывают светлый взор.

Шкаф выставил чистый язык.

Подаёт голос.

Щётка почистила полость,

об вещи спотыкался на полу.

Она смела осень,

впоследствии мороз. Мячом врезался

в голову образ, тот блеск пронизывает грудь. Излишками покрылись думы,

она бросила вещи на пол и только.

Оставив пустому желудку новые блюда для пробы. Про-

исходящее не отрывает от себя. Люстра. Ящик. Где я?

«Вросший диван в тончайшие вуали...»

Вросший диван в тончайшие вуали.

Растащили на ткани.

Никчёмность болтом проторила третью глазницу, страх пронзил молоток, пробивал, не зная пощады.

Бумажные стены изрезали иглы,

те на пол. Ни комната, ни тело не лежат принадлежно.

Вальсирующие

расстроили скрипки, навозили грязи.

К полуночи по домам.

А я всё на лампу, на ту, что свет обошёл.

Одеяло сползло, окна сжались,

спички зажгли газ.

Диван замерз в углекислом газе,

с тем и вуали.

Лишь человека хоронят вальсирующие на доли.

Мертвого на аукцион, новым жильцам, на свалку к бездомным.

Лишь тот, кого сводил из жизни голод, ценил диван. Слезой надежды

в ткани. Кто-то вновь прошел мимо бесстрастно. Обделив свалку переживаний.

« Попрошу посмотреть на сквозное искусство смолы...»

Попрошу посмотреть на сквозное искусство смолы.

Когда-то под отпечатком тенистым от ветви через солнца контраст искали спасения люди.

Время сквозь себя пропустило плоскости. Правду огибают здания.

И зрение тогда ни к чему.

Отпечатки, запечатлевшись на очередной многоэтажке, чернеют сгустком, в стараниях бессильны, напоминают о себе, о мире с которым мог бы жить. Толерантность и человек две параллельные без перекрестка и светофора. С дыханием связаны лишь груды кирпича и пластика, да отражение в окошке с теткой поливающей цветок в горшке. Чего только стоят заборы.

Постройки живут за людей.

А у меня нет дома, я скиталец, лежащий под дубом без оградки.

Чудаку стоит поучиться.

А вы, кем в мечтаниях были, напротив яви? Какая сегодня статья? Исцеление строчками песни на очередном газу пронеслось.

Небесное и земное, высокое искусство с примесью смога.

Знамение нашего века
без герба или скульптуры.

Руслан Валеев

родился в 2002 году в Челябинске. Окончил среднюю школу со спортивным уклоном, после чего поступил в колледж и был оттуда отчислен. Участвовал в поэтических вечерах и вечерах слэм-поэзии. На данный момент является ведущим поэтических вечеров в арт-пространстве GoGreenCenter.

Группа «ВКонтакте»: <https://vk.com/sram7777777>

считалка

Я считаю до пяти,
Не могу до десяти,
Да и с трёх весь в слёзы.

Памятное ассорти,
Всё на вид дагерротип:
Фазы, дозы, позы.

Или дождь, или шумы,
И края обожжены,
Видимо, от газа,

От пурпурного такого,
Раздражающего слова
И со словом фразы.

Я не вспомню ни одной
Фразы между тишиной
И простой считалкой.

Что в конце её счетов,
Кто готов и не готов –
Мне, по правде, жалко.

Раз и два, четыре, пять –
Я за прядью глажу прядь
Розовой дымки.

Я считаю до пяти,
Не могу до десяти
Досчитать ошибки.

крутись!

голый пастис
после абсента
это ужасный восторг

ну же крутись
дурная планета
с запада и на восток

через секунды
минуя рассветы
планета неси меня прочь

по амплитуде
дурная планета
ты не смогла изнеможь

с валерианой
транками или
щекою упавшей на грудь

в поту океанов
в свете и пыли
нет места чтобы уснуть

вращайся планета
вращайся волчок
звёзды на полосы рви

просто ведь мне-то

обычный толчок
будет признанием в любви

ну же крутись
родная планета
чуть проливая абсент

нам не спастись
и кончилось это
долгое слово момент

вечер

В небе лазурном
Пакетики маечки

Вязнут

Курятся урны
П***** мальчики

Грязно

Вечер как вечер
Слово как слово

Ноет

Скорее калечит
Виски дешёвый

Вдвое

Что-то плохое
Двигает псов

Лясть

Время ночное
А вместо снов

Память

Может они
Просто скучают

Тоже

Ты извини
Я это случайно

Боже

Так

П***** мальчики

Урны потухли

Легче

Бьются стаканчики

Пепел да угли

Вечер

ежвеч

Нет луны

Вчерашний снег

Кроша о лоно ночи

Вдоль спины

Имярек

Стала сердцу порчей

Солнца нет

Сочла икру

Шампанской пены волн
На предмет
Нежных рук
И всех своих имён

Луна игла
Ты ушла
В куриной слепоте
И легла
Как анаша
В полночной духоте

Солнца блик
Семь ноль пять
В троллейбусной часовне
Я на миг
Взялся врать
Что все за всех виновны

Так же ты
Нечестна
Срываясь на Сатурн
На шматы
Истязав
Цукаты белых лун

Ветер тих
Будь легка
В зенит бросая мячик
На твоих
Больных руках
Он словно не горячий

На губе
Смолой пристыл
Ужасной тишиной
И теперь
Просто был
То солнцем то луной

ВДЫХАЛОСЬ

День с твоим –
Твоим запахом,
Мамин спирт, отчий ладан.
Улицы синь
Мычала и ахала
Прохладой меж каменных складок.

Не закурить,
Не согнать

Эту пыль на солнечном свете.

Мне бы забыть

Всю благодать,

Мне бы увидеть, наметить.

Запах этот –

Как не заплакать,

Как не согнать эту пыль?

Когда тебя нет,

Вечная слякоть,

А город случайно уплыл.

Голодом мучая,

Над головой

Повисло одно малодушие.

Ибо всё сущее

Пахнет тобой,

Ты и впитала всё сущее.

полотенца

Пробки винные –

Пробки дорожные.

Стопки трясутся

Безбожно.

Расколоты льдины
Внутри, под кожей,
Бьются, как блюдца
С ложками.

Пробки дорожные
Штопором штопая,
Могла бы и можешь
Согреться.
Будто тревожным
Вафельным шёпотом,
Льдины под кожей
Трут полотенца.

Наплыв заусенца –
Полосочки штопора
Спиралевидные
Впали в платок.
Мозоль полотенца
Обмякла от шёпота.
Пробочки винные –
Пробки дорог.

Пробки дорог,
Словно шёпот дорожный,
Горький от линий

Ломких ногтей.
А всё этот бог
Под нашей кожей
Мурыжил не сильно,
Но будет сильней.

ЧТОБ КТО-ТО УМОЛК

Кто-то пролил,
Кто-то налил,
Кто-то всё бросил в снега.
Шёпотом льдин
Пятнистый налим
Тянет к себе берега.

Пухлое небо –
Корочка хлеба
Крошится за горизонтом,
Так же нелепо
Морозные скрепы
Делают воду бесплотной.

Всё для того,
Чтоб звёздный плевок

Остался лежать, зеленея.
Чтоб в панцире вод
Налимов живот
Укрылся от Альфа Цефея.

Чтоб кто-то умолк
Ветрам поперёк,
Чтоб кто-то не вздумал моргнуть,
Бальзамом тревог,
Как лёгкий дымок,
Кто-то пролил Млечный путь.

ваби-саби

Гладит бритвочкой
Липы выточки
Сахарных глаз небосвод.
Режет месяцем,
В сердце целится,
Лыбится мыльный развод.
Как дизелями
Зрак изрезанных
Сохнут дыры зрачков.
В них дождает,
В них смешная

Лужа ночных огоньков.
Ты обиделась.
Как обыденно.
Как бывает, когда я рядом.
Так и случается:
Нет уже разницы,
Режется небо по взгляду.
Актом бессилия
Жирный слой пыли
Ложится в щетину и пряди.
И только бритвочкой
Месяц улыбочку
Гладит.

Полина Саломатина

родилась в 2004 году в Челябинске. С детства увлекалась написанием стихов, участвовала в школьных конкурсах, а в 2020 году начала выступать на городском уровне и участвовать в поэтических вечерах. Победительница поэтического слэма. Учится в 11-м классе лицея № 77.

Группа «ВКонтакте»: https://vk.com/polina_karagaika

Подснежник

Зауток безпризорный, ничей.
Этот след из ноздрей его дымный
и похабный характер речей.
Человек совершенно зимний
ей зудит про родник-ручей.
Свет поник, но ни солнце, ни я
не пытаем судьбу до причин.
Она не совершенно летняя,
он закопан под сотней личин.
Сарафанчик измяла мизинцами.
Расплескал на асфальте байдю.
Уже ящер играет в дуду,
заклинатель не правит зверинцами.

На вопрос «Я пойду?» тербит воротник.
Льдинка в брюки вправляет жирок.
Льдинка знает тот факт, что он очень широк,
применим в этот тёмный тупик.
Очень страшно. Запнулась – шнурок.
Дядя выкинул в мусорку каку.
Он бредёт между стен. Как театр теней,
но руками не сделал собаку.
Подошел ближе к баку, проверил объём.
Забивается в угол цветочек.
Кто же знал, что по средам душевный подъём
в хлев вонючий ведёт одиночек.
Бойся кочек, малютка, ступай аккуратно назад.
Если жутко – закройся руками, сражайся, кричи,
он так нервно твердит про друзей, дорогой шоколад,
он так крепко за пазухой держит кривые ключи.

И едва различим уже цвет сарафана и год.
Невозможно собрать имена, показания, квоты.
Эта сказка о том, как добавить жандарму хлопот.
Не о том, как под снегом веками лежали колготы.

Ижевский осмотрщик

Первый путь – ночная электричка,

жизнь вагона – пассажиров пять.
Я в потемках зажигаю спичку.
Покурить, до трёх не засыпать.
Стук колёс, ему созвучна карта пульса,
60 ударов – привокзальный циферблат.
Вечное движение в конвульсии.
Хорошо, когда отсутствует разлад!
На платформах каменных истёртые ларёчки,
жаль, что цены здесь, как будто на фуршет.
Мнение барыг, что вы терпели кочки
для фунфырика и местных сигарет.
Моя жизнь сложилась как рельса со шпалой,
пепел в варежках, оранжевый наряд.
Для узлов вагона я игрок бывалый,
снова с ними провожу обряд.
Скрип колодок – так поёт и сердце,
этот скрежет у меня внутри.
Я король винтов, я гаек герцог!
Всё читается по цвету кожуры.
Вот и утро. Солнце словно лава.
Как безудержно движение часов...
Я так очарован поступью составов,
что могу и сам попасть под колесо.

«Голос мой – пеленающий горестный альт...»

Голос мой – пеленающий горестный альт.

Я тебя им укутаю, только лучше проси.

Наша связь – не закрытый, по счастью, Богом нелепый ге-штальт.

И пора приземляться, но как выпускают шасси?

Из меня стюардесса не очень, и, если подумать, пилот.

Я вообще на борту первый лишний и, может быть, первая крыса.

Но в меню всё равно и второе, и даже компот.

Чтоб добраться комфортно до самого южного мыса.

Хитрый лис и наивная зайка в узоре небес.

Облака так похожи на то, чем живет моё сердце.

Так смешно, что родное гнездо – это смешанный лес.

Где в норе так тепло, но и в воздухе можно согреться.

И на солнце так видно ресницы твои до бровей.

А их тень, как часы для отсчета счастливых секунд.

Я придумала имя для пса, дочерей, сыновей.

И какой для фиалок мы купим горшок или грунт.

«Пять стадий принятия все впереमेжку в моей голове...»

5 стадий принятия все вперемежку в моей голове.
Мне хотелось придумать значение, смысл и узы,
что связали бы нас навсегда, даже после гробов, и в траве
мы лежали бы вечно, как в «Милых костях» – в кукурузе.
Или это уже не мы там? А мы тогда где?
Хотя, черт его знает, кого это типа волнует.
Мы же вместе. А место равно ерунде.
Мы же вместе. А души пусть наши дрейфуют
хоть в земле и пыли, хоть по краю Сатурна,
хоть бы были они. Веришь, есть?
Веришь, есть что-то круче, чем урна?
Круче, чем просто в море осесть
пыльным облаком из крематорной трубы.
Печка наша – последняя комната здесь.
Да, всё правильно, мы не считаем гробы,
на них нет, просто, места. И весь
этот мир так смешон в своей сути.
Он так странен в познании, отсутствии чуда.
Он пугает своим эгоизмом
до жути,
до слёз и до срыва,

до колик и горя.

Я больше не буду

так. Я больше никак не хочу.

Я вру обо всём и шучу,

девчонка с болячкой Мюнхгаузена.

Я чёртик и с ангелом долго хожу по плечу.

Без Бога ты только и можешь, что маяться кляузами.

Без мысли о чем-то, что больше, ты сразу становишься

мал.

Поэтому думай, что рай где-то есть, и ты точно в списке гостей.

Жить круто. А смерть – это редкостный кал.

И мы вечно живы в движении сотен частей.

**«Я – кулак, твёрдый знак,
мне никак не понять...»**

я – кулак, твёрдый знак, мне никак не понять

как показывать фак, а потом обнимать,

а потом обжигать и тушить,

с этим жить и вещать,

во все уши жужжать

о плохом, о чужом, о напрасном,

о белом и чёрном, не думать о красном,

не верить, что классно бывает не в сочи,

а там где
привет! ты мне нравишься очень.

если жизнь это трасса – моя из давалок и кочек.

я вижу преимущества, но опасаясь побочных.

я буду сидеть в конуре где нет света, нет лжи, никто не
мотает на ус, трудись и неси мне мой алый цветочек, иначе
ты трус.

я трусь по дворам, где можно учиться шипеть,

учиться гореть,

где кто-то оставил пряник и спрятал плеть,

свободу вора́м, если воруюшь сомненья из чьих-то голов,

свободу мирам без раев, котлетам без соли и тьме без кра-

ёв.

я забываю о боли. я понимаю без слов.

Ян Любимов

родился в 1998 году в городе Еманжелинске Челябинской области. С 2016 года живет и учится в Челябинске (магистрант филологического направления Института медиа и социально-гуманитарных наук НИУ ЮУрГУ). В 2017 году стал участником серии мастер-классов для молодых писателей и поэтов в штате Айова по программе Between The Lines. Призер Студенческого Букера 2017 года. Полгода жил и учился в Словакии в Университете Константина Философа в г. Нитре. Создатель сетевого сборника современной поэзии «СРЕЗ». Занимается современным танцем, перформансом и театром. Стихи публиковались в журнале «Вещь», на сайтах «Полутона» и «Новая карта русской литературы», в американском интернет-журнале Academy of the Heart and Mind, в сборнике «Культура путешествий в Серебряном веке». Лонг-лист премии Аркадия Драгомощенко в 2021 году. Участник поэтической резиденции в Комарово.

Группа «ВКонтакте»: <https://vk.com/hodocret>

ЦВЕТЫ

яркое солнце цветов
упирается стеблем

в желание невозможного

свет

теперь не то чтобы ярк —

его просто неслышно,

но это не значит

что он не может

к тебе прикоснуться

чем-то нежным или

механическим чем-то

металлическим жидким

влага спасение

бой или жизни

зря

ты

не верил

в пророчество

то есть

чудо настигнет тебя и тебе не понравится

карта башни вытягивается —

атакующее заклинание

атакует само себя

пол, пытающийся тебя удержать

пол, пытающийся тебя удержать,

вдруг рухнул, и тьма
|вернее зияние, где должна была быть
квартира соседа,
выжидательно смотрит:
над головой проносятся очертания комнат
и раздается шум голосов так легко
как будто сегодня праздник

значит должны быть пляски

значит за руку тебя берут,
вонзаются пальцы,
улыбки недружелюбные предметов мебели
разбегаются, стоит направить взгляд

но стоит ли?
нет, лучше
лучше

Кому от этого будет лучше?
Кому ты сможешь помочь?
Что изменится?

ничего
ничего выглядывает маленькими буквами
пытаясь напомнить

воображение произвольно, оно гуляет ветром и переносит события комнат так близко к тебе, что остаётся выдохнуть и погрузиться:

движение дерева подплывает по воздуху
это страх идет поздороваться,
это мультик ты помнишь ТЫ ПОМ
НИШЬ МУЛЬТИК ДА ТЫ
СМОТРИШЬ МУЛЬТИК ДА
ТЫ МУЛЬТИК ТЫ СМОТ
РИШЬ И СОБИРАЕШЬСЯ
СДОХНУТЬ

иногда в воспоминания лучше не лезть, там не то что бездонный колодец, а комната старого дома, где ещё слышатся голоса и изредка – шум шагов
изредка люди
заглядывают в окно

они кивают, когда половица скрипит
они кивают, когда ты ищешь родных
они влезают, когда ты хочешь уйти
у них одни и те же лица

Но чьи?

Чужие земли

когда я впервые спускаюсь к тебе на крымскую площадь,
вывеска* прячется от меня:
нужно как можно быстрее начать танцевать,
чтобы начали находиться люди –
нам ещё многое предстоит сделать, чтобы
разобраться с пространством.

I

коммуницировать с морем купаясь
не получается. сначала –
ходить с барабаном в руках, отгоняя
особо успешных подальше, пусть они там
обсуждают этимологию хайпа
в этих своих шатрах, крыши которых
так волнуются из-за чьего-то лайка и
правильной постановки цели
в тетради творческого роста,
(листы её, кстати, буду использовать,
придумывая спектакль,
сочиня стихи о любви)

[неужели не видите, здесь
уже
проходит перформанс?]

II

я выслеживаю своих людей, обычно
они держатся в стороне
от больших скоплений [людей], предпочитая
созерцание – болтовне.

чужие люди выслеживают и подступают,
выглядывают буйками,
они не застанут
 меня
врасплох.

[извини, но я не хочу учиться плавать и куда-то идти тоже
не особо хочу]

на четвертый день я уже буду морально
уехавший – дело
в количестве шуток про х** и наркотики, которым
скрепляется дружба, я рад
внеплановому приступу эпилепсии,

о нем

никто не узнает из-за

построения у главной сцены, а зря:

он делает это место реальным, я рад

песне «мы – возможно»: из-за неё

по некоторой версии совершилось убийство

и господи

как придётся же плакать, когда в спектакле речь зайдет о

подснежниках

[подснежники, само собой разумеется, не цветы]

III

вообще в умении обниматься важно

целовать и касаться,

не чтобы прощаться

а чтобы касаться.

поэтому мне очень приятно, как ты мило смущаешься,

когда мы в медленном танце –

бал-маскарад

на тавриде не прекращающийся ни на минуту,

ос

та

навливается

и маска дель арте,

срывает панамку с моей головы,
убегая к морю, там
прячутся люди, может
скрывается блоггер,
выкладывающая с завидной регулярностью
посты про самодостаточность, которой
потом некому доверить телефон
ну знаете, чтобы
её красивую сфотографировать:

люди, которые думают,
что на празднике жизни им нет места
оно есть, идёте и разрешите
мне вас обнять.

[да, конечно, я могу
тебя заснять]

IV

есть момент на качелях,
когда внутри как будто схватывает,
а потом отпускает:
так вот, его
мы прошли.

мои люди, что нашлись случайно
из-за комплимента,
танца,
спектакля,
беззлойной ненависти к окружающему,
найдутся чуть позже
и целенаправленно
в туле
москве
рязани
питере
выборге
астрахани
и мне теперь
от вас
никуда
не деться:

так я внезапно оказываюсь на вражеской территории,
не успевая заметить, как
боеприпасов уже не хватает на
внутреннее сопротивление местности:
сдаваться никто из нас не собирается,
и бабушка – мирный житель – просит ее поджечь.

*

теперь можно разгадывать вывеску:

[находясь долгое время в арт-пространстве,
ты сам через какое-то время становишься арт-объектом]

получается, это
какая-то карта,
на ней едва заметны следы

Старого

Города

Восстановление разметки

I

когда тебе снится горящий дом,
беги в подвал
спасать образы давно ушедших вещей, а людей
не трожь –

им что-то и так уже слишком.

мягко проплываешь через кажущееся замершим,
взмах фар останавливается у столба:
неудовлетворенности целого
что отвечать?

волос на трясущемся плече –
это ведь, пожалуйста, неспроста:
телодвижения к птицам, они
в соприкосновении с
неважно чем в проводах

займите места.

ночь уже скоро и я проиграл,
красноглазые крыши на месте, что там
выкрадывающее людей

им слишком и так уже слишком

II

когда тебе снится небо зеленое в молниях, будь
спокоен:
близится утро

я достаю записную книжку, она
не родившимся словарем

её ещё можно, пишу:

а-а-а

а-люминиевые движения

б-быстрые мимо

в

г-орящем в городах

д-ень давно уже отступил

е-сть и становление и

ж-изненно необходимая прелесть идентификаций

з-ачем и-дет к-уда л-етит

м-ысли не удаются, словарь

прерывается и сквозь него

приходишь в себя:

Ш

говорят что счастливым людям снятся колодцы, они

наклоняясь туда

теряют случайные части тел.

те

попадают в отдельный мир бесконечно больших про-

странств, где

параллельные прямые наконец-то пересекаются

и кружатся, кружатся, кружатся...

да, это так

да, это ты
я не совсем долго честен смотря
на шум, раз и он падает, он –
распадается, медленный
превращается в у-а-а-а,
где а
это намёк на испытываемую боль,
а у
попытка прийти в привычное состояние

[но страшно даже подумать при ком это стало привычным,
иногда свойства Его вылезают на циферблат и
стрелки так быстро бегают, что
сливаются в сияющий диск и я
провожу несколько лет, замерев]

дома уже час как стоят,
окно открывается, воздух –
сопротивление взгляду, воздух
ускользающий.

маленькие падающие точки-снежинки
образуют окружности солнце
оно светит так ярко, так страшно
что я не знаю, как
это чувствовать

а люди смиренно гуляют
бегают суетятся, но вдруг
застывают выстроившись в какую-то композицию
они как будто готовы стать
телом Его
отблеск геометрического солнца в глазах
приводит их в неустойчивость

если тебе снятся колодцы не страшно –
страшно увидеть счастливых людей:
они берут меня за ноги, руки
сваливают с дистанций,
с невозможности коммуникаций
приводят в движение, я
они мы

и кружатся кружатся кружатся

шатры

разреши
донести коробки до домиков,
да
нас будут преследовать

голосами из раций.
ветер их унесёт все равно
на глубину,
на мастер-классы по
сценическим декорациям.

единственным шумом будут мурашки,
пробегающие по загорелой спине
от игры,
развевающейся по ветру
вокруг
здания сёрф приюта.

ты берешь меня за руку, говоря:
не бойся ирреальной любви,
тогда
– но не сразу –
буйки отворачиваются от меня:

теперь уже ничего не мешает бурлить
не пре ры вно му не зри мо му не жно му

Ростислав Ярцев

родился в 1997 году в городе Троицке Челябинской области, с 2015 года живёт, учится и работает в Москве. Выпускник филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова (2019, кафедра теории литературы; 2021, кафедра теории дискурса и коммуникации). Поэт, преподаватель русской литературы. Публикации поэзии и публицистики в журналах «Формаслов», Textura, на сайтах «Полутона», «Сетевая словесность», «Новая карта русской литературы», «45 параллель», «Прочтение» и в других изданиях. В 2021 г. в издательстве «ЛитГОСТ» вышла дебютная книга стихов «Нерасторопный праздник».

Группа «ВКонтакте»: <https://vk.com/rostislavyartsev>

Аттракционы

дом с незалатанным горем,
дорога с простой печалью
на голодном просторе,
как в забытыи ребячьем,
перед которым зрячую пищу,
вещую пищу матери

тяжко тянем.

нет ни желаний тёмных,
ни жадных споров.
время густое –
глоток нежилой забавы.

«Верёвочки меж людьми...»

верёвочки меж людьми –
тонкие, нежные, не распутанные,
бог знает из чего накрученные.

ангелы прилежные их вьют,
вяжут, тянут, не отпускают,
следят, тревожатся.

а нам боязно, всё нам боязно,
несвободно, тоскливо, суетно.
всё нам хочется обрубить, растереть,
поскорее уйти в сторонку.

и трепещет в нас лапка, личико,
жилка маленького ребятёнка.

«Надо бы как-то пожить...»

надо бы как-то пожить,
переждать это бремя –
время земное:
земляные комки, волоски
скошенной воли:

уволят –
вытянешь, милый, письмо:
помилуван, воин,
выбыл, соколик, приплыл, –
поле не поле,
но перелив и распев:
перекатное темя –
всходит мимо, упав,
сколько хватит разбега:

строки рвут берега

рассыпается время

«Мальчик подрастает...»

мальчик подрастает
больше никто не приходит
к нему на могилу

когда мальчика учили умирать
после его же смерти
он улыбался и молчал

взрослые сказали ему
теперь ты должен всё делать сам
выдёргивать сорняки
отгонять вороньё
не шуметь слишком громко

взрослые никогда не умели молчать
ещё меньше умели умирать
жить совсем не умели

мальчик знает и смеётся
сдирает фотографию
нюхает чертополох и живёт

«Что-то бывает меж нашими и Твоими...»

что-то бывает меж нашими и Твоими
вечерами погасшими –
я вспоминаю имя
перебираю нашариваю звучанья

всё вечеринки скрадывают ночами
или нечаянной встречи ошмётки речи
вроде бы ходим и сводим на нет у речки

где пароходы ли отдыха дом бессонный
аттракционы мои голоса и звоны

выдуман выставлен после
и сразу возле пристани мысли:
а если посмотришь в воздух?
если останешься –
станет светло и вместе?

таешь питаешься
тянешь дела до пенсий

что-то бывает если пошарить в прошлом?
видно ли?
вряд ли

медлят во мгле подошвы
шевелиятся пальцы лица пялятся
непрестанно
меняются
постояльцы

«Смешно красив и хрупок, я тобой...»

смешно красив и хрупок, я тобой
был с ёлки снят и в пыльную коробку
был убран до зимы очередной.
«а всё-таки и мною любовались», —
подумалось, и стало так светло
и сладко мне в своём углу чуланном,
среди чумазных тряпок и ужасных
помойных крыс, что я тебе сказал:
зарой меня в такой глубокий снег,
где мой хребет дитя не переломит
и будет выть без устали зима,
твой новогодний смех напоминая.

а что до света – я его запомнил.

«Остановиться, проткнуть, признаться...»

остановиться, проткнуть, признаться:

сказать:

молодец, вон чего добился:

кому-то горят твои песни и глазки,

падая мимо миски:

старые переброски,

доски заброшки за стадионом,

велосипеды могильных гроздьев

с поздним перроном

поезд уехал, рельсы

скрыты, и сходит с рук,

как бы резвясь и теряя в весе,

сорванный звук

«Она осталась без защиты...»

она осталась без защиты

в осеннем парке городском
глядеть, как пьяные мужчины
сочатся к берегу гуськом.

они качаются, злословят –
бог знает как и почему.
им дома женщины готовят,
чтобы понравилось ему.

а ей идти домой не надо,
её не ждёт уже никто.
всплакнёт среди пустого ада
да вспомнит агнию барто.

«Будет одиноко и тяжело...»

будет одиноко и тяжело,
станешь невесёлый и нежилой –

через не могу разгляди себя:
как судьба оттачивает тебя,

как швыряет ветер тебе в лицо,
как ломает ветви и гнёт серсо,

выбивает смерть твою из нутра,
с головою возится до утра,

а наутро в комнате спит котом —
и уже не помнит, куда потом.

«Поздно далёко темно...»

поздно далёко темно
спите вдвоём
есть ли над домом окно
есть ли проём

если доводит вода
давит учёт
если так будет всегда
что отвлечёт

что же вам будет не жить
не приезжать
телу пустому внушить
рядом лежать

жарить вишнёвый пирог
шарить порог

я вас как мог уберёт

я вас как мог

Постскрипtum

Как сказал один из авторов этого сборника молодой поэзии, Макс Ушаков, в своём почти трэшевом тексте, – «выжил только я: мне на шнурки не хватило денег».

А хорошо ведь, что у уральской молодой поэзии нет денег на шнурки.

Блаженны незашнурованные и беспуговичные, как помним («бард, расстегнись на все»). Поэту должно не хватать *всего*, и в первую очередь – шнурков.

Пускай молодая уральская поэзия гуляет по миру в своих диковатых расхлябанных ботинках (без шнурков кажется, что они ей не по размеру). Гуляет и всматривается в эту завязанную на все шнурки снулую жизнь, а иногда даже распутывает на ней какие-то взрослые узлы, которые уже нам не под силу. Ну, или запутывает их ещё больше. Тоже интересно.

Блин, как не хочется быть старпёром, который пишет завистливо-напутственные слова молодёжи по просьбе редактора!

Пойду шнурки поглажу.

Константин Рубинский